

Дульнева Н.В.
Госпожа Бренон

Анн Бренон родилась 14 ноября 1945 года в городе Макон, Франция, в 80 километрах к северу от Лиона. Сама она считает, что родилась с «призванием к истории», и говорит – может быть в шутку, а может и серьёзно, что родилась историком, так же, как в XIV веке в деревне Монтайю «рождались еретиками», то есть принадлежали к «genus hereticum», «еретической породе». Конечно, речь идёт совсем не о генах, а о том, что ересь здесь впитывали с материнским молоком, она коренилась в самой земле, в культуре и семейном окружении, ею проникались с раннего детства. Так и Анн Бренон – если её ровесники часто мечтали о звездолётах и открытиях будущего, то она с детства была увлечена прошлым. Сначала, лет с 10, она мечтала стать археологом. Но потом, под влиянием родителей, окружающей местности и литературы, твёрдо решила сделаться историком средневековья – медиевистом. Особенно, когда она поступила в лицей и стала читать настоящие средневековые поэмы на старофранцузском (ойль). Средние века предстали перед ней как загадочная миниатюра, прекрасная фреска. Способствовали этому и путешествия с родителями по многочисленным средневековым замкам, которых не счесть между Маконом и Шалоном. И постепенно ей захотелось увидеть тексты и документы, где можно было хоть немного приблизиться к реальности того, что было раньше – «прежде»... Ведь только из этих текстов можно было понять, что было на самом деле, по-настоящему, а не в воображении писателей.



Анн Бренон

Анн Бренон начала читать героические поэмы, куртуазные романы, любовную поэзию труверов, затем трубадуров. Но трубадуры писали на другом языке – не ойль, а староокситанском, который в русскоязычной литературе часто называют провансальским. И когда она выучила его, то внезапно обнаружила настоящее генетическое родство с этой эпохой и этими местами. Ведь в её родном регионе Маконнэ ещё до середины XX века, по крайней мере в сёлах, общались на специфическом наречии брессан – которое ближе к окситанскому языку, чем ойль. Так она поняла, на каком языке разговаривала её собственная бабушка. Окситанский язык оказался чуть ли не её родным – языком предков.

В лицее у Анн Бренон были прекрасные преподаватели – особенно по французскому языку, латыни и истории. Они поощряли её интерес к истории, руководили её первыми исследованиями, устраивали дискуссии о прочитанном. Так она открыла для себя существование катаров. Разумеется, в связи с трубадурами. Она сразу же была сражена этими таинственными еретиками, и ей неудержимо хотелось узнать о них как можно больше. Она стала читать о них всё, что попадалось под руку, и сразу же заметила, что все

эти книги ужасно друг другу противоречат. Когда в 13 лет она перешла в третий класс лицея, то уже точно знала, что посвятит себя изучению этой блистательной средневековой южной цивилизации с её трубадурами и катарами, о которой так мало было написано.

В 14 лет родители Анн Бренон повезли её на экскурсию на «благословенный Юг» – тот самый, мистически манящий Юг, где жили и творили трубадуры, где высились «головокружительные цитадели» Каркассона, Фуа, Монсегюра, Керибюса, Минерва, где плескалось море... И как только она увидела этот край, то сразу же пообещала себе, что когда-нибудь будет здесь жить. Монсегюр поразил её воображение. Как её отец и мать, госпожа Бренон всегда была свободомыслящей атеисткой, и даже яростной антиклерикалкой, её вёл дух эпохи Просвещения. Попав в Монсегюр, она прежде всего стала возмущаться крестовыми походами, Инквизицией и этим ужасным костром 1244 года. Она хотела добиться справедливости для тех, кто погиб за свои взгляды.

Ради этого она прошла длинный и сложный путь, вначале окончив лицей, затем бакалавриат. Её предупреждали о трудностях, но они не пугали молодую девушку. В 1963 году она оставила родную Бургундию и уехала в Париж, чтобы пройти двухлетний подготовительный курс в лицее Генриха IV. Таковы были требования Национальной Школы Хартий, куда она намеревалась поступить. Наконец, в 1965 году её мечта осуществилась.

В конце второго года обучения, по правилам Школы, Анн Бренон следовало выбрать тему для тезисов, после защиты которых получали диплом. Она очень хотела избрать для этого одну из своих любимых тем – трубадуров, а ещё лучше, катаров. Но её научный руководитель, профессор романской и провансальской филологии Жак Монфрин, отказал ей в этом. Он заявил, что для дипломных тезисов исследование о трубадурах – слишком сложно, а когда она решилась сказать ему о катарах, ответ был удивительно резким: «Катары? Но это же несерьёзно для выпускницы нашей Школы!» Оказывается, уже тогда французские интеллектуалы считали изучение этих средневековых «еретиков» бесполезным и абсурдным занятием. Тогда она взялась за близкую тему – «товарищей по несчастью» катаров, других средневековых «еретиков» – вальденсов. Она проанализировала 24 рукописи религиозных текстов пьемонтских вальденсов XIV–XV веков, написанных на окситанском языке. И работа эта, на первый взгляд, хотя и уводила в сторону, оказалась для Анн Бренон чрезвычайно полезной – она заставила её заняться образованием в области религиозной культуры, которого ей недоставало. Благодаря изучению вальденсов, она научилась уважать ясную непримиримую позицию верующих, позицию, которую занимали и сами катары – «лучше подчиняться Богу, чем человекам». Тогда же она впервые по-настоящему прочла и открыла для себя христианское Писание. Ведь без этого она никогда не смогла бы впоследствии приблизиться к катаризму.

Но это приближение всё ещё не состоялось. Защитив дипломные тезисы и окончив в 1970 году Школу Хартий с дипломом архивиста-палеографа, она была направлена на работу хранителем архивов, и в течение 11 лет занималась довольно прозаической деятельностью – готовила к архивации фонды, поступавшие из префектурных канцелярий. Неожиданно в 1981 году для неё блеснул луч надежды: знаменитый учёный и поэт Рене Нелли предложил ей помочь ему основать в Каркассоне при поддержке департамента Од небольшой центр, призванный служить научным исследованиям в области ереси: Национальный Центр исследований катаризма.

Сам этот Центр был создан в октябре 1981 года по инициативе Роббера Капдевилля, Президента Генерального Совета департамента Од, а также самого Рене Нелли. Он функционировал как Ассоциация – то есть Управленческий совет состоял из

представителей местной администрации, а Научный – из привлекаемых к работе учёных. Анн Бренон была предложена должность директора, то есть она должна была взаимодействовать с обоими советами, но в научной работе прислушиваться к научному совету. Душой и духом этого учреждения был, конечно, Рене Нелли. Именно ему удалось убедить местных политиков материализовать мечту историков и вложить деньги в создание и поддержку Центра. Однако, буквально в первые дни, как только Центр начал функционировать, в марте 1982 года Рене Нелли умер. Но его детище – Центр исследований катаризма – стал работать согласно устремлениям великого учёного и поэта, «отвоёвывая аутентичность» и накапливая фундаментальные ресурсы для исторического изучения катаризма.

Благодаря поддержке департамента Од, а также сотрудничеству со многими учёными на международном уровне, Центр не только сделался исследовательским раем, но и популяризировал результаты этих исследований, делая возможным для обычных людей узнавать правду о катаризме, средневековых ересях Европы и средиземноморской цивилизации. В 1983 году был основан журнал «Heresis», и в том же году начали проводиться ежегодные международные colloquia, где собирались специалисты со всего мира. На colloquia приходили также студенты и просто обычные люди, заинтересованные этой темой. Информация также распространялась благодаря публикациям (вышло около 12 томов), а также тому, что очень много оригинальных документов, собранных в центре, было отмикروفильмовано, и таким образом, они стали доступны для широкой публики.

Маленький каркассонский центр начал сотрудничать с крупными французскими и иностранными университетами. Colloquia, семинаров, встреч и публикаций становилось всё больше и больше. И, что самое главное, во всём этом доминировала атмосфера дружбы и доверия. Наиболее тёплые отношения у Центра завязались с Тулузским университетом и университетом Монпелье, где Анн Бренон с 1992 по 1996 год читала спецкурс о средневековых европейских ересях, а её работы, которые она написала в период управления Центром исследования катаризма, сделали её непререкаемым авторитетом в этой области. Центр был открыт для посещений и вёл очень активную деятельность по просвещению населения – читались лекции, проводились конференции, устраивались многочисленные выставки и т. д. Всё это было бесплатно для посетителей и организовывалось не только в рабочее время, но и в выходные дни, по вечерам, за ужином, вином и дискуссиями... Во время одной из таких встреч (а их было больше 80) Анн Бренон познакомилась с частным экскурсоводом, знатоком Каркассона и Монсегюра, потомком катарских верующих, Жаном-Луи Гаском, и он стал её мужем.

В 1992 году по просьбе Генерального Совета Од, Анн Бренон стала Президентом Ассоциации центра (руководящего органа), в то же время руководя научной работой. Для осуществления административных функций был нанят другой директор – Николя Гузи, молодой выпускник Тулузского университета. В 1997 году он убедил руководство центра в контексте программы Европейского Союза под названием «Страна катаров», открыть коммерческий отдел, который бы занимался сбором средств.

В течение двух лет между двумя руководителями центра росло напряжение. Николя Гузи был сторонником идеи, что следует хвататься за любые коммерческие проекты, если они приносят прибыль, даже если ради этого следует жертвовать исторической правдой. Кроме того, он всё больше стал привлекать к работе центра историков, отстаивающих точку зрения, что катаризм – это выдумка католических клириков, а никакой катарской Церкви на самом деле не было. В конце концов, он убедил политиков департамента Од, что все бесплатные конференции и выставки для общественности – убыточное дело и

неправильное вложение средств, и что все силы нужно бросить на раскручивание туристического «бренда». Анн Бренон вынуждена была уйти в отставку с поста Президента Ассоциации, а в знак протеста из центра ушло больше половины учёных. В конце концов, центр потихоньку стал утрачивать своё значение, и вот уже несколько раз вокруг него разгорался скандал, связанный с нецелевой тратой средств.

Конечно, очень печально, что такая выдающаяся инициатива закончилась таким образом, однако остался коллектив учёных, которые группировались вокруг Жана Дювернуа – мэтра исследований катаризма и знаменитого переводчика инквизиторских реестров. С 2000 года по инициативе Анн Бренон начинают организовываться международные научные коллоквиумы по катаризму в городе Мазамет, где открыт единственный в мире Музей катаризма. Она становится членом французского Общества историков-медиевистов и получает Пальму Французской Академии. А в 2011 году Анн Бренон и Пилар Хименес (ещё одна исследовательница катаризма, бывшая директриса Каркассонского центра, нанятая после увольнения Анн Бренон, а затем уволенная при похожих обстоятельствах) основали новую учёную Ассоциацию, занимающуюся исследованиями в области катаризма и религиозного диссидентства – Международный коллектив исследований катаризма и диссидентства (французская аббревиатура CIRCAED, что по-французски означает «орел-змееед»), который уже в этом, 2012 году, проведёт свой первый коллоквиум в Мазамете.

Анн Бренон – автор многочисленных книг о катарах и катаризме и, наверное, историк с наиболее высокой репутацией в этой области. Она стремится показать читателям истинную природу катаризма, преодолеть до сих пор распространённые среди широкой публики штампы и неверные представления об этом феномене. Среди этих книг прежде всего можно назвать следующие: «Истинный образ катаризма» (1990 *Le vrai visage du catharisme*, éd. Loubatières); «Монсегюр 1244–1994» (1994 *Montségur 1244–1994*, éd. Loubatières); «Катары: бедняки Христовы или апостолы Сатаны?» (1997 *Les cathares: Pauvres du Christ ou apôtres de Satan?* éd. Gallimard, coll. Découvertes); «Архипелаг катаров, христианское диссидентство в Средневековой Европе» (2000 *Les archipels cathares, dissidence chrétienne dans l'Europe médiévale*, Cahors, Dire édition. Réédité en 2003 par l'Hydre Editions); «Катарские женщины» (2005 *Les femmes cathares*, éd. Perrin, Tempus); «Последний из катаров, Пейре Отье» (2006 *Le dernier des cathares*, Père Autier, éd. Perrin); «Еретический выбор» (2006 *Le choix hérétique*, La Louve editions); «Катары» (2007 *Les cathares*, éd. Albin Michel, coll. Spiritualités vivantes) и многие другие.